

НОСТАЛЬГИЯ ПО ЧЕРНО-БЕЛОМУ ОБ «АРТИСТЕ» И JAEGER-LECOULTRE МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ

— Жан Дюжарден смог ухватить своего «Оскара» одной левой. В правой руке он держал важного актера фильма — пса Угги, награжденного за свою работу в кино сразу двумя золотыми ошейниками Chopard

В этом году произошла удивительная вещь. На «Оскаре», где американский фильм имеет заведомые преимущества, целую охапку главных призов получил французский «Артист».

Возможно потому, что он прилежно воспроизвел мифы золотого века американского кино — но сделал это с французской наивностью и изяществом. Настоящий кинематографический винтаж был подчеркнут на церемонии тем, что на руке у Жана Дюжардена были часы Memovox Tribute to Deep Sea, произведенные знаменитой швейцарской маркой с французскими корнями — Jaeger-LeCoultre. Точно так же, как «Артист» был признанием в любви к кино былых времен, Memovox Tribute to Deep Sea были воспоминанием о знаменитой модели 1950-х годов.

Ностальгия теперь в цене. В 1976 году мир надрывал животики над чудилой-режиссером Мелом Фанном, героем «Немого фильма» Мела Брукса. Излечившись от лютого алкоголизма, Фанн, безусловно, пребывал в неадекватном состоянии: никак иначе не объяснить его маниакальное желание снять немую кинокомедию. Фильм попал в Книгу рекордов Гиннеса как звуковой фильм с минимальным количеством реплик. С экрана звучало лишь яростное «No!»: великий мим Марсель Марсо отказывался участвовать в столь безумном проекте. Четверть века спустя Мишелю Хазанавичюсу не удалось (да это и невозможно) потеснить Мела Брукса в Книге рекордов: в его «Артисте» звучит чуть больше слов. Но, воплотив бредовую мечту Мела Фанна, он сорвал и реальный, и символический банк.

Не припомнить, когда в последний раз какой-нибудь фильм вызывал столь единодушно умиленную любовь. Речь не о том, что сборы уже превысили 15-миллионный бюджет в семь раз. В конце концов \$106 млн — цифра для кино не умопомрачительная, но и «Артист» — не «Титаник». В нем есть все, что должно было отвратить зрителя.

Он черно-белый! Но зрители всего мира согласились с тем, что само время, течению которого и посвящен «Артист», черно-белого цвета.

Он если и не немой, то почти бессловесный! Зато как оглушительно — после

часа экранной немоты — падает на землю невесомое перышко: это кошмар Джорджа Валентайна (Жан Дюжарден) — звезды немого кино, раздавленного пришествием звука.

Наконец, он синефильский!

Да, Хазанавичюс цитирует не столько конкретные голливудские хиты золотых 1920-х, сколько Голливуд как один огромный фильм. Его герои без ущерба для прически тонут в Амазонке и бегут из комиссарских застенков; театрально — но никогда не до конца — кончают с собой. Возносятся на голливудский небосвод юные звезды, а впавшие в ничтожество кумиры возвращаются к жизни благодаря волшебной силе любви. Старые слуги являют чудеса преданности, собачки спасают хозяев, а в финале все бьют чечетку — и поцелуй в диафрагму. В наши дни и такая синефилия требует определенного образования и терпения, но зритель «Артиста» ни на мгновение не чувствует себя посетителем музея.

При всей успешности фильма сказать о нем что-то обидное — все равно что у ребенка конфету отобрать: патентованные циники сюсюкают над партнером Жана Дюжардена — новым ведущим церемонии вручения «Оскара» джекрасселтерьером Угги в бриллиантовом ошейнике от Chopard. Тем не менее нашлись отщепенцы, прошипевшие что-то ядовитое по поводу «Артиста», — на фоне всеобщего экстаза их мнение примечательно.

Le Figaro — нет чтоб порадоваться победе французского фильма в основных оscarовских номинациях, — буркнула: «Фильм американский в той же степени, что и французский». Да, конечно, его пафос заключается в том числе и в космополитизме. Когда кино называли «великим немым», оно по большому счету не делилось на французское, американское, шведское. Его немота была формой эсперанто. Именно приход звука разрушил вселенскую актерскую общность. В 1928-м великий немец Эмиль Яннингс получил первый актерский «Оскар» сразу за две лучшие мужские роли. А через год Яннингсу, по-английски почти не говорившему, пришлось вернуться восвояси. Не заговорило бы кино, остался бы в Калифорнии: может,